

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К66

Michael Koryta
THE PROPHEET

Copyright © 2012 by Michael Koryta.
This edition published by arrangement with Little, Brown and Company,
New York, New York, USA. All rights reserved

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Вячеслава Коробейникова*

Корита, Майкл.
К66 Пророк / Майкл Корита ; [перевод с английского
Ю. Я. Гольдберга]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-106152-4

Два брата. Трагическое прошлое, преследующее их до сих пор. Оба приняли неверное решение, стоившее жизни их сестре. Один посвятил себя мести. Другой – прощению. И оба платят за свой выбор – гораздо больше, чем могли себе представить...

С того времени как неизвестный похитил и убил их сестру, прошло 20 лет. Адам, старший брат, выбрал профессию частного детектива, нелюбимого и циничного, оказывающего услуги людям из мира криминала. Младший, Кент, стал футбольным тренером, уважаемым членом общины и глубоко верующим человеком. Они не общаются, продолжая винить друг друга за то, что произошло с их сестрой. До тех пор пока не происходит новая трагедия, уже с другой девушкой, потому что оба брата вновь приняли неверное решение...

Этот роман – история семейной трагедии, вины и искупления.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гольдберг Ю. Я., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-106152-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Комиссару бейсбола —
глубочайшая благодарность
верному другу*

Я все еще надеюсь на исцеление,
на какое-то лекарство,
всего на один разговор.
Я не могу к тебе вернуться,
ты должна вернуться ко мне,
таков уговор.
Прости.
Я прошу у тебя прощения?

*Мэтью Райан
«Вернись ко мне»*

ЧАСТЬ I ОБЕТЫ

ПРОЛОГ

Город сразу кажется родным, и виной тому листья. Наверное, сегодня день сбора опавшей листвы. На обочинах лежат груды полиэтиленовых мешков, лопающихся от увядших остатков того, что когда-то было живым; некоторые из мешков порвались, и на белых плитах тротуаров яркие пятна листьев, алые и рыжие, похожи на брызги крови на бледной коже. Воздух пропитан их густым запахом, но это запах смерти.

Прохожие опускают головы и горбятся — черепахи, прячущиеся в панцирь. Он идет, выпрямившись во весь рост, наслаждаясь холодным ветром, которому не мешают ни бетонные стены, ни ограждение из колючей проволоки. И он благодарен за это. В городе есть и другие люди, испытывающие похожие чувства, помнившие те дни, когда у них не было возможности подставить лицо ветру, даже если они скучали по нему, пусть резкому и холодному. Кое с кем из них он знаком и знает, что иногда именно эти воспоминания — реальность — гнали их сюда ради шанса спрятаться от прошлого.

На первый взгляд этот город — превосходное место, чтобы укрыться и от реальности: невероятно старомодный, с настоящей городской площадью и кирпичным зданием суда. Если б не пустующие здания, он мог бы служить декорацией для голливудского фильма об американской глубинке. На фасадах, обращенных к зданию суда, в половине пыльных окон выставлены объявления «Аренда»

или «Продается». Он удаляется от площади, двигаясь на север, к озеру, аккуратно обходит туго набитые мешки с листьями, и ему то и дело попадаются нежилые дома с некогда ухоженными двориками, которые теперь заросли бурьями сорняками, и с пластиковым сайдингом, нуждающимся в тугой струе из шланга и моющем средстве.

Тяжелые времена пришли в Чамберс, штат Огайо.

В пяти кварталах к северу взгляду открывается озеро, и неослабевающий ветер гонит навстречу запах воды. Дорогу к средней школе можно найти по указателям: он поворачивает на запад, проходит еще несколько кварталов — и наконец видит ее. Двухэтажное главное здание с одноэтажными крыльями, отходящими под необычными углами, — эти пристройки появились за минувшие годы.

Средняя школа Чамберса, родной дом «Кардиналов».

Птица с названием «кардинал» была третьим существом, которое он убил. Поймал ее под кормушкой у дома бабушки. Он с восхищением наблюдал, как кошка подходит к решению этой задачи. Кошка не пряталась; она просто ждала, с потрясающим, невероятным терпением. Под кормушкой не было никакого укрытия, ничего, за чем мог бы спрятаться убийца, — но все же убийца добился своего. Когда кошка приближалась к кормушке, птицы разлетались. Но кошку это не обескураживало — она несколько не сомневалась в своих действиях, проявляя необычную целеустремленность. Животное просто устранивалось под кормушкой среди россыпи упавших семечек подсолнуха и ждала. И птицы обязательно возвращались. Они прекрасно видели кошку, но ее неподвижность обманывала их, внушала уверенность, что здесь безопасно. Кошка никогда не реагировала на первых птиц. Она ждала и наблюдала, и в конечном счете птицы совсем теряли бдительность, и одна из них подходила достаточно близко, после чего

ПРОРОК

следовал молниеносный удар, а остальные птицы, окружавшие жертву, разлетались в разные стороны.

Значит, нужно просто дать им время? И они возвращаются. Всегда. Потому что здесь кормушка, а кормушка — их дом, и даже если они помнят, какая судьба постигла их собрата на этом месте, никто не верит, что такое может произойти и с ними.

Непоколебимая уверенность. Непоколебимая глупость.

Его восхищает уверенность беспомощных. Он не любит тех, кто боится.

Первая птица потребовала больше времени, чем на это ушло у кошки, но не так много, как он думал. Секрет — в неподвижности. Секрет — в их глупости. Понадобилось всего пять дней, чтобы поймать кардинала. Потом он убил кошку. Она уже ничему не могла его научить.

Подобным стремлением учиться и терпением обладает лишь тот, кто по-настоящему предан своему ремеслу. Его ремесло — убийство. Он прекрасно знает свое дело, но понимает, что всегда есть чему еще учиться и что именно это знание делает его счастливым. Он изучал поведение убийц, разговаривал с ними, жил вместе с ними за стальными прутьями решетки, учился у них.

Теперь, когда ветер усиливается и запах мертвых листьев наполняет воздух, который быстро охлаждается, обещая дождь, он долго смотрит на фасад школы, замечает охранника на парковке, а затем идет вдоль квартала и поворачивает за угол, откуда открывается вид на футбольное поле. Здесь «Кардиналы» пытаются пробиться к славе. Дурацкое название для спортивной команды. Почему не «Воины», «Титаны» или «Тигры»? Разве можно обрести уверенность в себе, когда на тебе свитер с названием птицы, которую могут убить детские пальцы?

На алюминиевых креслах трибун по периметру поля сидят несколько человек. Сегодня он не единственный

зритель. Они не знают поражений, эти «Кардиналы», — главная гордость города, у которого прежде для гордости было гораздо больше причин.

Он подходит к полю, останавливается у трибун и, сунув руки в карманы, ждет, когда появится тренер. Разумеется, это не просто тренер. Он выиграл 153 матча для своей школы, для своего города. А проиграл всего двадцать два. На этом поле, по которому под серым небом навстречу ветру бегут игроки, он одержал восемьдесят одну победу, потерпев четыре поражения. Он не просто тренер, а народный герой. Мифическая фигура. И не только из-за побед на поле. О нет. Кент Остин — это не только футбол.

Он доказывает это теперь, когда все умолкают, и Кент идет по полю, все еще молодой и крепкий, едва заметно хромая, — левое колено не успевает за правым, каждый раз сгибаясь слишком сильно. Но это лишь добавляет облику тренера убедительности. Все остальные видят его травмы, а тренер делает вид, что не замечает их.

Когда Кент Остин идет по полю, умолкают не только юные игроки, но и люди на трибунах, зрители. Они испытывают благоговение, потому что происходящее на этом поле имеет огромное значение даже для тех, чья нога ни разу не ступала на него. Вы гордитесь тем, что имеете, и в данный момент источник гордости находится именно здесь. Потому что в Чамберс пришли трудные времена. Он это чувствует — подобно тому, как синоптик предсказывает погоду по облакам, стремительно бегущим по небу от озера Эри. В каком-то смысле он тоже предсказатель.

Пророк трудных времен.

Тренер слишком сосредоточен и не поднимает голову, не видит его — тренер работает, поглощен игрой, которая, по его словам, не имеет значения, хотя на самом деле она для него очень важна, потому что в конечном счете ничего другого у него нет. Тщетные игры и тщетные надежды.

ПРОРОК

Пустые слова и ложные обещания. Детские увлечения и забавы, тщательно выстроенные стены, отделяющие его от реальности мира, от которого он полностью зависит и который несет его на раскрытой ладони, способной быстро превратиться в сжатый кулак. Ему нужно почувствовать, когда начинают сжиматься пальцы этого кулака.

Пророк провел три года с убийцей по имени Зейн, который лишил жизни свою жену и ее родителей с помощью десятизарядного дробовика. Довольно неаккуратное оружие, этот десятизарядный дробовик. Перед тем как спустить курок, Зейн дал всем троим шанс отвергнуть Бога. Сказать, что Зейн — их Бог. Многообещающая идея, хотя и неверно понятая. Ум Зейна был недостаточно глубок для такой задачи, но попытка тем не менее достойна восхищения. По словам Зейна, две жертвы признали его Богом, а одна — нет. Естественно, их судьба от этого не изменилась, но Зейна интересовали их ответы — как и пророка. В какой-то момент он был даже впечатлен. Мысль о том, чтобы поставить этот вопрос перед человеком за несколько секунд до перехода в вечность выглядела привлекательно.

Хотя теперь он уже в это не верит. Размышления помогли ему увидеть слабость и абсолютную бесполезность этой идеи. И сам вопрос, и ответ на него не имели значения. Важно было то, чего не мог видеть Зейн, — он был импульсивным человеком, этот Зейн. Следовало решительно выбросить этот вопрос из головы и заменить его уверенностью.

Бога нет.

Ты проходишь свой путь один, во тьме.

Цель — отпечатать это в мозгу настолько прочно, чтобы погасить даже искру альтернативы. Тогда приходит сила, чистая и беспримесная.

Приведите ему исполненных надежды, и он доведет их до отчаяния. Приведите к нему сильных, и он их

сломает. Приведите к нему наполненных, и он опустошит их.

Цель пророка проста. Когда в ночи прозвучит последний крик, издавший его будет твердо уверен в одном.

Никто не услышит.

Городу Чамберс, штат Огайо, он обещал силу и гибкость. Он взглянул в глаза уверенного человека и услышал его слова, что нет такого страха, который не склонился бы перед его верой.

Пророк трудных времен, повидавший на своем веку много уверенных взглядов, сомневался в этом.

1

Когда девушка открыла дверь, Адам, задрвав рубашку, рассматривал здоровенный лиловый синяк на ребрах. Она испуганно отвернулась, как будто он голым сидел на корточках на своем письменном столе. Адам еще раз окинул взглядом синяк, нахмурился и опустил рубашку.

— Хотите мудрость дня?

Девушка — брюнетка с очень смуглой кожей, слишком смуглой для этого времени года в этой части мира — нерешительно повернула голову к нему, но промолчала.

— Если вы собираетесь сказать пьяному, что пора возвращаться в тюрьму, сначала заберите у него бильярдный кий, — сообщил Адам.

Девушка приоткрыла губы, словно собиралась ответить, затем снова сомкнула их.

— Это не имеет к вам отношения, — сказал он. — Прошу прощения. Входите.

Она перешагнула порог и отпустила дверь, которая захлопнулась за ее спиной. Когда щелкнул замок, огляну-

лась, словно боялась оказаться запертой в комнате вместе с Адамом.

«Муж на добрых десять лет старше, — подумал Адам. — Не бил ее — во всяком случае недавно, — но вполне способен. Вероятно, обвинения не связаны с домашним насилием. Скажем... пьянство и нарушение общественного порядка. Освобождение обойдется недорого. По крайней мере, в долларах».

Адам обошел письменный стол и протянул девушке руку.

— Адам Остин.

Еще одна нерешительная пауза, после которой девушка ответила на рукопожатие. Ее взгляд скользнул по костяшкам его пальцев, сбитым до крови и распухшим. Когда она отняла руку, Адам увидел на ногтях ярко-красный лак с серебристыми блестками.

— Меня зовут Эйприл.

— Понятно. — Он опустился в кожаное вращающееся кресло позади стола, стараясь не морщиться от боли в боку. — У кого-то, кто вам не безразличен, небольшие неприятности, да, Эйприл?

— Что? — Она слегка наклонила голову.

— Полагаю, вам нужно поручительство за явку в суд? Девушка покачала головой.

— Нет. Другое.

В левой руке она держала папку, которую теперь подняла и прижала к груди, усаживаясь на один из двух стульев перед письменным столом. Это была ярко-синяя папка, пластиковая и блестящая.

— Нет?

Табличка на двери гласила: «АО Поручительство под залог». Люди приходили к нему именно по этой причине.

— Послушайте, вы ведь детектив, да?

Детектив. У него действительно имелась лицензия частного детектива. Только он не помнил, чтобы его когда-нибудь так называли.

— Ну... да. Нечто вроде.

Адам сомневался, что в телефонной книге он значился как частный детектив. Его агентство назвалось «АО Поручительство под залог»; название включало его инициалы и позволяло занимать выгодную позицию на «Желтых страницах», к которым люди с дрожащими руками обращались в поисках помощи.

Девушка молча посмотрела на блестящую папку, как будто в ней содержались тайны ее жизни. Адам осторожно коснулся пальцами левого бока, все еще пытаясь определить, сломаны ли у него ребра или это просто ушиб.

— Почему вы пришли именно сюда, Эйприл?

— Я слышала... Мне порекомендовали.

— Порекомендовали, — повторил он. — Могу я спросить, кто?

Девушка заправила прядь волос за левое ухо, подавалась вперед и впервые посмотрела ему в глаза, словно наконец-то обрела уверенность.

— Мой бойфренд. Ваш брат тренирует его футбольную команду. Он говорил, что вы — детектив.

— Мой брат? — бесстрастным голосом переспросил Адам.

— Да. Тренер Остин.

— Кент, — сказал он. — Мы не в его команде, Эйприл. Можем называть его Кентом.

Она кивнула, но, похоже, ей не слишком понравилась эта идея.

— Мой брат дал вам рекомендацию, — произнес Адам, немного развеселившись, несмотря на боль в ребрах, распухшую руку и глаза, слезящиеся после целой недели работы допоздна и алкогольных излишеств. Если б не девушка, он через две минуты запер бы кабинет и отпра-

вился за чашкой черного кофе. Самой большой чашкой самого крепкого кофе, которую можно только найти. Начиналась жуткая головная боль, и чтобы справиться с ней, одного «Адвила» недостаточно.

— Точно. — Ее как будто не удовлетворил его ответ, словно она ждала, что упоминание о брате поможет установить контакт. — Я учусь в колледже Болдуина-Уоллеса. Старший курс.

— Жуть, — сказал Адам.

— Это хороший колледж.

— Никогда не сомневался. — Он пытался сосредоточиться на девушке, но в данный момент воспринимал ее только как препятствие между собой и кофе. — Что у вас в папке?

Девушка опустила взгляд, словно Адам вторгся в персональное пространство папки.

— Письма.

Адам ждал. Сколько это еще продлится? Он привык продирается через личные истории клиентов, выслушивать которые не имел никакого желания, привык отбиваться от рассказов о несчастьях, но у него не хватало терпения вытягивать эти истории, прежде чем отбиваться от них.

— Что именно вам нужно, Эйприл?

— Я хочу найти своего отца.

— Вы не знаете, кто он?

Спросив это, Адам подумал, что с такой задачей ему не справиться, даже если б он ею заинтересовался. Как, черт возьми, найти человека, бросившего своего ребенка, когда прошел уже не один десяток лет? Это тебе не гоняться за сбежавшим из-под залога парнем, за которым тянется свежий след из друзей, родственников и имущества.

— Я его знаю, — ответила девушка. — Только он был... в общем, к тому времени, как я достаточно подросла, чтобы познакомиться с ним поближе, он уже сидел в тюрьме.